

1948. - 1950. 2. Февраль.

СОЛДАТ ТРАГИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

К 75-летию со дня рождения К. М. Симонова

Сегодня стало модным все пересматривать, всему прошлому давать новые оценки. Наверное, это правильно, ибо, не оценив прошлое и не разобравшись в нем, нельзя двигаться дальше. Но если в общей экономической и политической жизни страны действительно от многого надо отказаться, то, я думаю, мы совершили бы непоправимую ошибку, если бы сегодня взялись перечеркивать все, что сделано в литературе и искусстве нашими предшественниками. Да, были художники конъюнктурные, были осторожные, хотя и, несомненно, честные, которые уходили от социальных вопросов, чтобы через обращение к природе, истории высказать свои наболевшие мысли, свой взгляд на развитие нашего общества. Были и реалисты, которым пришлось особенно нелегко. Одни из них вынуждены были покинуть Отечество, другие — навсегда остались на земле Колымы и Алдана; но для многих трагизм заключался в другом: веря в творческую энергию и силу народа, они отождествляли эту силу с Системой, с партийными лозунгами так явственно открывшегося нам сегодня лжесоциализма и при этом оставили по-своему глубокие, рожденные добрым началом, насыщенные гуманистическими идеалами произведения.

К таким писателям я бы отнес поэтов и прозаиков военного поколения. Защита Родины — священный долг, и чтобы отстоять ее от врага, нужно было сплочение, единство и напряжение всех сил, а для достижения этого нужны были и соответствующие книги, и соответствующие идеи. Константин Михайлович Симонов вошел в литературу как писатель военный — сначала как летописец Халхин-Гола, где советскими войсками в сражениях был действительно проявлен героизм. Он продолжал эту тему и в поэзии, и в публицистике во время Великой Отечественной, мотаясь по фронтам, чувствуя настроения людей, видя и понимая их напряжение; он до конца жизни остался солдатом, хотя творчество его и не сводится только к окопной правде. Оно шире, значительнее и, как у всякого большого художника, сопряжено с нравственной и политической жизнью страны. И уже со времен войны в его произведениях главенствующей темой становятся общечеловеческие ценности, а в таких крупномасштабных книгах, как «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето», эта тема получила широчайшее развитие и привлекла к трилогии новые миллионы читателей.

Мне хотелось бы обратить внимание сегодняшнего читателя этой эпопеи на такой знаменательный факт: имел все возможности завершить ее взятием Берлина, автор остановился и оборвал повествование на тех главах, где наши войска подходят к Государственной границе СССР. Здесь прослеживаются глубочайшие традиции русской литературы (я бы соотнес их и с традициями народа): она не имеет ни одного сколько-нибудь значительного произведения о битвах, сражениях и походах, которые проходили бы за рубежами нашего Отечества. Ведь и роман «Война и мир» завершается битвой на Березине, и Кутузов, столь блестяще воссозданный Толстым, заявляет, что война для России на этом завершается, что нам нечего делать на Западе. И отдав силы защите русской земли и находя уже ненужным сохранять их для оккупации, он в Польше умирает.

Я много раз встречался с Константином Симоновым и часто слышал из его уст, что и для нас в эту войну битва за Отечество была завершена на наших границах — в этом был ее смысл. Думаю, что события нынешние, происшедшие в Европе — объединение Германии, вывод наших войск из восточно-европейских стран и общественное мнение,

создавшееся вокруг этого, — все говорит о том, насколько верны были мысли Симонова, его писательское видение.

Я редактировал его романы и хорошо помню, как он приходил в редакцию — строгий, всегда с небольшим кейсом, из которого доставал блокнот, раскрывал его — готовый записывать все, что будет ему сказано. Это отнюдь не означало, что он соглашался со всем услышанным. Он был из тех художников, которые выше всего ставят правду и если их в чем-то убеждали, они принимали это убеждение как свое. Когда я прочитал в рукописи завершающий роман его эпопеи «Живые и мертвые», мне показалось, что смерть Серпилина — как она была описана — не вполне художественно оправданна. В ней больше отдавалось места внешней стороне и на второй план уходила сторона психологическая — внутренний мир героев. Но как это высказать Симонову? Я прибег к нехитрой редакторской уловке и рассказал, как Толстой описал две смерти. Умирает граф Безухов, и нам его не жалко, потому что внимание сконцентрировано на дележе его богатства. И умирает князь Болконский — здесь уже уходит целый мир, неповторимый мир неповторимых человеческих переживаний. Здесь все внимание отдано внутренней жизни героя, да и фактически шире — нравственной жизни его современников. Серпилин не должен был умирать, как Безухов — он, познавший сталинские лагеря и воспрявший вновь (его прообразом был маршал Рокоссовский), умирая, уносит мир своих познаний, не имея возможности оставить их людям, открыть перед ними ужасающую истину сталинской эпохи. Так он становится нам ближе, а сама смерть — трагичнее.

Константин Михайлович несколько минут сидел молча, потом закрыл блокнот, поблагодарил и, сказав: «Я подумаю», ушел. Но уже вечером пришел его курьер и забрал рукопись из редакции. Новый вариант, который Константин Михайлович принес через месяц, разительно отличался от первого, и герой получил как бы новое освещение. Серпилин умирал уже не просто как генерал, даже герой войны, но как человек, близкий каждому из нас. Смерть его воспринималась и трагично, и объемно.

Творчество Симонова противоречиво, но именно по этим противоречиям мы можем в осязаемых деталях представить то время, которое при всем нашем желании не вычеркнуть из истории страны. Оно было. Было именно таким, а не иным, и художникам такого плана, как Симонов, художникам-летописцам не раз еще скажут добрые слова будущие поколения, которые не наспех, как мы сейчас, торопясь самообновиться, а глубоко, вдумчивым взглядом будут исследовать эти прожитые народом годы.

...Пьедесталы возводит время, возводит народ. И давайте не будем спешить зачеркивать имена тех, кто вел средствами художника летопись своей эпохи — трудной, противоречивой. Кто оставил нам документ нравственной жизни народа.

Анатолий АНАНЬЕВ.

34